

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ВЕРХІВНИЙ СУД БОІОЗУ
РАДЯНСЬКИХ СОЦІАЛІСТИЧНИХ РЕСПУБЛІК

НАЙВЫШЕЯШИЙ СУД БОІОЗУ
САВЕЦКИХ СОЦІАЛІСТИЧНЫХ РЕСПУБЛІК

სსრ კავშირის უმაღლესი სასამართლო.

ՄԻՆ ՄԻՈՒԹՅԱՆ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ԴԱՏԱՐԱՆ.

ش.س.ج. اتفاقك عالی محكمه سی.

ВЕСТНИК

ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
И
ПРОКУРАТУРЫ ВЕРХСУДА СССР

№ 5-6 (14-15)

ДЕКАБРЬ—1928 г.

Издание Верховсуда СССР и Прокуратуры Верховсуда СССР.
МОСКВА, Спиридоньевская, д. 30. Телефон 3-83-93 и 4-70-11.

П. А. КАМЕРОН

(чл. Воен. Кол.
Верхсуда СССР)

Конец Муэтдина и Рахманкула.

(Из истории Ферганского басмачества).

г. П. А. Камерон.

Рабирая материалы по работе моей в Военном Трибунале Туркестанского Фронта, среди копий приговоров и отрывочных записей я обнаружил две фотографические карточки. На одной из них изображен один из крупнейших вожakov ферганского басмачества, в течение пяти лет оперировавший в восточной части Ферганы и с большим трудом ликвидированный во второй половине 1922 года.

Это Муэтдин Усман Алиев, известный в истории ферганского басмачества под именем Муэтдина-Бека. На другой карточке его старший советник и начальник его штаба Янги-бай Бабашбаев, именовавшийся Янги-Бай Амин (см. на след. стр.).

Сняты они были в Ташкентском ОГПУ после разгрома их шаек и захвата их с большинством подчиненных им курбашей (начальников) в начале июля месяца 1922 г.

Глядя на карточку Муэтдина, никак нельзя подумать, что на ней изображен один из самых упорных и влиятельных вождей басмачества, объединявший под своей командой в лучшие для себя времена до 4.000 бойцов, ведших отчаянную борьбу с советской властью и Красной Армией.

Это тот самый Эмир Ляшкар Баши (Главнокомандующий) Муэтдин Бек Газы ¹⁾ (победоносный), отличавшийся особой хитростью и вероломством, сумевший подчинить себе большинство басмаческих вожakov Ферганской области, дважды переходивший на сторону советской власти и дважды ей изменявший.

Собственно говоря, личность Муэтдина и история его операций против Красной армии—это история всего басмачества. Как басмач,

¹⁾ Титул, присвоенный себе Муэтдином.

Муэтдин появился в самом начале объединения против советской власти всех мусульманских контрреволюционных сил и с ликвидацией его шаек неизбежно оказались ликвидированными и другие очаги басмачества в Ферганской, примыкающей к Фергане части Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях.

Муэтдин Усман Алиев.

Янги-бай Бабашбаев.

Муэтдин Усман Алиев, неграмотный киргиз, начал свои басмаческие операции еще при царском правительстве. Будучи осужден за убийство на 5 лет каторги, он бежал из тюрьмы в горы и прикинул к шаике басмача Осман Курбаши. Вскоре он убил Османа, объявил себя начальником шайки и начал заниматься грабежами и набегами, скрываясь от преследований в горы.

Транспорт сопровождался красноармейцами и продармейцами, каковых было до 40 человек. При транспорте находились граждане, в числе коих были женщины и дети; были как русские, так и мусульмане. Вез транспорт пшеницу—1700 пуд., мануфактуру—6000 аршин и другие товары. Муэтдин со своей шайкой, напав на транспорт, почти всю охрану и бывших при нем граждан уничтожил, все имущество разграбил. Нападением руководил сам и проявил особую жестокость. Так, красноармейцы сжигались на костре и подвергались пытке; дети разрубались шашкой и разбивались о колеса арб, а некоторых разрывали на части, устраивая с ними игру «в скачку», т.е. один джигит брал одну ногу ребенка, другой—другую и начинали скакать, отчего ребенок разрывался; женщины разрубались шашкой, отрезались груди, а у беременных распарывали живот и плод выбрасывали и разрубали. Всех замученных и убитых в транспорте было до 70 человек, не считая туземных жителей, трупы которых были унесены мусульманами близлежащих кишлаков и точно число каковых установить не удалось».

Это одно из многочисленных зверств Муэтдиновских шайк, оперировавших до лета 1922 года. Колоссальное количество таких нападений документально не зарегистрировано, сохранившись лишь в расказах пострадавших.

Общее количество вооруженных всадников в момент наиболее интенсивных действий Муэтдина достигало от 1500 до 4000 человек, при чем, кроме того, значительная часть джигитов находилась в резерве, распускались по кишлакам и призывались к кооперативным действиям по особым приказам Муэтдина. Содержание этой привыкшей к беззаботной жизни оравы ложилось жестким бременем на плечи туземного бедняцкого населения Ферганы. Каждый кишлак был обложен и натурой и деньгами и специальные саркары (сборщики) Муэтдина время от времени собирали с жителей определенную по приказу Муэтдина дань. Неповинующихся убивали, а имущество их подвергалось разграблению. Если через кишлаки проходили части Красной армии и впоследствии Муэтдину его шпионы доносили о хорошем приеме, оказанном жителями красноармейцам, — горе было такому кишлаку. Сам Муэтдин был неограниченным владыкой всей восточной Ферганы. Тысячи голов скота крупного и мелкого ваято было им лично в свою пользу у декхан этих районов и отправлено в горы. Награбленное имущество достигало колоссальных размеров. Он являлся фактическим владельцем нескольких мельниц и имел несколько усадеб в горных кишлаках Восточной части Ошского уезда; награбленное им золото и драгоценности были им переданы представителям своего рода, а также зарыты в горных ущельях.

Поголовным опросом жителей в кишлаках Иски Наукат и Джаны Наукат установлено, что в этих кишлаках не было девочки старше 10 лет, не изнасилованной Муэтдином. В отношении даже своих «законных» жен Муэтдин в своих показаниях на следствии потерял им

счет, в одном показании утверждая, что имеет четырех жен, а в другом—что законных же имется у него пять, при чем имена трех последних жен он не знает. По показаниям на суде свидетелей, надоевших ему жен Муэтдин передавал в руки своих палачей для умерщвления.

В Иски Наукате, главной его резиденции, во время его пребывания ежедневно происходили многочисленные казни, так что вода арыков окрашивалась в красный цвет.

По рассказам очевидцев, за несвоевременную подачу пищи Муэтдин собственноручно носил голову своим поварам и служителям.

До самого последнего времени при нем находились в качестве советников несколько белогвардейских офицеров, принявших, кстати сказать, мусульманство. Все они, особенно некий Марцинкевич, известный под именем Девлен Берды, отличались такой же бесчеловечной жестокостью, как их дикий азиатский владыка. Муэтдин Бек отплатил им черной неблагодарностью: перед сдачей своих отрядов отдал предвзвительно распоряжение палачам всех белогвардейцев перерезать, что и было немедленно выполнено.

Естественно, что одно только имя этого феодала-тирана наводило трепет и ужас на мирных жителей Ферганы. Страх расплаты за какое-бы то ни было содеяние Красной армии был настолько велик, что несмотря на свою ненависть к Муэтдину, буквально во всех классах населения—мы, однако, долго, но находили поддержки в широких массах для ликвидации этого «легендарного» злодея.

На борьбу с Муэтдином командованием были брошены довольно крупные силы, но вследствие распыленности, подвижности и великолепной ориентировки по пересеченной местности его отрядов, борьба с ним долго носила бесплодный характер. Совершая удивительные по быстроте переходы, Муэтдин появлялся в различных районах, подвергая осаде наши неизбежно распыленные гарнизоны. Совершенно неожиданные нападения на крупные русские поселки, неоднократные налеты на г. Ош и Андижан и немедленная переброска сил глубоко в горы делала Муэтдина чрезвычайно опасным и неуловимым. Очень трудно было определить, где оперировал сам Муэтдин и где действовали подвластные ему начальники отрядов.

Командование Ферганских войск дважды заключало с ним соглашение, пытаясь с одной стороны использовать его в борьбе с другими басмаческими группировками, в частности, с Курширмагом, а с другой стороны, имея в виду впоследствии обезопасить его путем изъятия у него оружия.

Это временное соглашение с Муэтдином имело чрезвычайно вредные последствия и населением Ферганы было истолковано, как признак бессилия советской власти, вступившей в связь с его наиболее безжалостным и жестоким порабителем.

И вполне понятно, что после этого соглашения в конце 1921 г. и в начале 1922 г. влияние Муэтдина еще более возросло.

В этом периоде Муэтдин осмеливается уже вести плановую войну с частями Красной армии, оказывая им упорное сопротивление, прибегая к контр-атакам, демонстративным наступлениям и бросая в бой крупные силы, вооруженные пулеметами.

В марте - мае 1922 года командование войсками Феробласти затеяло новые переговоры с Муэтдином.

Переговоры носили очень длительный характер. Муэтдин их всячески затягивал, не желая сдавать оружие и разоружаться.

Эти переговоры велись Муэтдином, конечно, не по доброй воле. Обстановка складывалась не в его пользу. Долготерпение населения истерзанной Ферганы иссякло. Всюду начали организовываться отряды самообороны и произошел колоссальный сдвиг в настроении широких масс населения, решившегося, наконец, положить конец безнаказанной грабительской деятельности обнаглевших бандитов. Даже духовенство и влиятельные киргизские роды, не говоря уже о бедноте, поднялись на борьбу с Муэтдином.

Эмир Ляшкар Газы чувствовал, что он доживает последние дни. В отчаянии он предпринимает ряд дерзких нападений на наши части, а 3 июля врывается в город Ош. Во время этого налета им была разграблена электростанция и Ошская больница. Медицинский персонал и больные были зверски убиты, окрестности Оша и примыкающие к городу туземные кишлаки разграблены, а жители перебиты. Это уже была агония издыхающего зверя.

Загнанному частями Красной армии к горным перевалам Муэтдину оставалось на выбор: или уйти через эти перевалы в Алайскую долину, где ничего хорошего, кроме холода и голода, он не ждал, а начало суровой алайской зимы несло его отрядам верную гибель, или, скрыв наилучшее оружие и пулеметы, сдать временно частям Красной Армии, с тем, чтобы, использовав удобный момент, впоследствии снова начать свою вольную басмаческую деятельность. Отдав распоряжение спрятать лучшее оружие и пулеметы, он 6 июля 1922 г. сдался советским отрядам, проникшим до его постоянной резиденции Иски Науката в горной части Восточной Ферганы.

Уже после его сдачи, когда по указаниям его собственных джигитов начали обнаруживать спрятанное оружие, Муэтдин понял, что его игра проиграна. Он решил бежать, уничтожив перед побегом военкома Штаба Войск Феробласти Болотникова и Нач. Штаба Кир. Обороны Камчибекова. Однако, замысел Муэтдина удалось раскрыть, и он вместе со всем своим штабом оказался арестованным.

В августе 1922 г. мне было срочно предложено принять дело о Муэтдине к своему производству и, закончив дело в недельный срок, поставить показательный процесс в гор. Ташкенте. В полученных мною трех тетрадях были только оперативные сводки о боевых действиях против Муэтдиновских отрядов. Ни личность Муэтдина, ни его политическое значение, как это ни странно, не имели отражения в материалах дознания. Во исполнение приказа мною было дано распо-

ряжение Председателю 2-го Отдела ВТ в Фергане т. Румянцеву в порядке боевого приказа опросить население наиболее пострадавших районов Ферганы и принять меры к постановке процесса в самом центре муэтдиновских операций. В Ошский район я командировал старшего следователя ВТ Туркфронта Кириллова с предложением закончить следствие в наикратчайший срок.

Пришлось приложить много усилий, чтобы доказать, что постановка процесса в Ташкенте политически нецелесообразна. Со мной вполне согласился Член РВС Фронта П. И. Баранов, при активной поддержке которого удалось убедить тогдашнее Туркестанское п-во в необходимости слушать дело или в Андижане или в гор. Ош. Остановились на Оше, вокруг которого главным образом концентрировалась басмачская деятельность Муэтдина. Следствие было закончено лишь в конце августа.

19 сентября 1922 г. Полевая Выездная Сессия ВТ Туркфронта вместе с обвиняемыми специальным поездом выехала в Фергану. Район железной дороги, станция Карасу и самый гор. Ош были объявлены на военном положении. Носились упорные слухи, что зять Муэтдина—Нурмат Мин Баши, оперировавший в окрестностях Оша, вошел в соглашение с Исламулло, Карабаем и др. басмачами, убедив их отбить Муэтдина по пути или во время самого процесса. До станции Карасу сессию сопровождал бронепоезд, а на Карасу для охраны сессии и обвиняемых был сконцентрирован кавалерийский полк под командой т. Чанышева и броневик для перевозки басмачей до Оша.

В распоряжение трибунала были выделены взвод курсантов ГПУ и взвод курсантов школы имени Ленина. Персональная ответственность за охрану Муэтдина была возложена на Нач. Отд. по борьбе с бандитизмом Леонова, который в пути следования загал всех 14 обвиняемых в броневой башне и сам спал или вернее не спал в той же башне.

Все эти предосторожности объяснялись наличием еще далеко не ликвидированного басмачества и настоятельной необходимостью сделать процесс гласным и открытым для населения всей Ферганы, чтобы окончательно оттокнуть колеблющиеся элементы от поддержки басмачества. В гор. Ош прибыло на процесс 15000 человек бедноты из всех пострадавших от басмачей районов области.

Вопрос о начале слушания дела осложнился тем, что назначенные Москвой по представлению ТуркЦИК'а члены суда из представителей туземного населения к сроку не прибыли. Ферганские адвокаты, кроме того, всеми способами уклонялись от поездки в Ош под разными благовидными предлогами, выдвигая в качестве защитников местных „ходатаев“ по делам, довольно подозрительного вида и свойства. Случайно на процесс прибыли члены ТурЦИК'а т.т. Кадыров и Рустемов, о назначении которых в состав суда я срочно дал телеграмму в Москву.

В 15 час. 21 сентября на площади Хазратабал рядом с мечетью у подножия горы Солейман Тахта открылось судебное заседание.

Государственным обвинителем выступал ответственный секретарь ЦК Ком. Партии Туркестана тов. Тюрякулов, защитником же был выдвинут местный работник т. Гумеров.

Судоворение велось параллельно на русском и киргизском языках. Свидетелей было вызвано около 150 человек. В первый же день процесса вся обширная площадь Хазратабал сплошь была покрыта народом. Великолепно дисциплинирующая охрана исключала возможность побега или беспорядков.

Преданы были суду:

Муэтдин Усман Алиев	} — Нач. Штаба Муэтдина,
Янги Бай Бабашбаев	
Саби Кари Тюрякулов	
Мулла Тока Алиев	
Исхак Нисанбаев	
Камчи Темирбаев	} Начальники отрядов,
Умурзак Широходжаев	
Сатыбай Матназаров	
	} — палач,
	} джигиты из личной охраны,

и четверо других, лично приближенных к Муэтдину джигитов.

Всем обвиняемым были предъявлены 58, 76 и 142 ст. ст. УК РСФСР.

Тяжелые картины прошли перед судом и народом во время шестидневного разбора дела.

Выжженные кишлаки, изуродованные декхане, изнасилованные девушки, разодранные на части младенцы. Гул негодования сопровождал каждое показание свидетелей. По личной инициативе являлись делегации из самых отдаленных углов Ферганы, чтобы развернуть перед судом страшную картину басмаческого владычества.

И на каждое показание свидетелей Муэтдин упорно и резко отвечает: „Ложь... Не правда... Того лошадь задавила, тот сам себя убил, этот погиб в бою, а тот умер от водки“ и т. д. и лишь изредко бросает отрывисто: „Да, этих двух казнил я“.

— „Как казнил?“ спрашивает суд.

— „Я отдал приказ, но как казнили — не знаю“, — отвечает уклончиво Муэтдин.

На 4-й день на процессе было около 3000 слушателей.

Один из свидетелей Мулла Мухамед Умаров рассказывал о потрясающих картинах пыток и убийств, учиненных Муэтдином. — „Я сам, — говорил свидетель, — уцелел случайно и то лишь потому, что Муэтдин не рискнул меня убить: меня, как духовника, уважало население“. — Подтверждая показания о массовых изнасилованиях Муэтдина, на вопрос суда: „А как же шариат?“, — седобородый мулла закричал: „Он никакого шариата не признавал. Его шариат — грабежи и убийства“. — В заключение Мулла Умаров заявил суду, что его упол-

номочило население трех Наукатов сказать, „что, если хотя бы один из этих преступников будет освобожден, мы все бросим свои родные места и уйдем в горы или в Мекку“.

Некоторые из обвиняемых подтвердили факты, рассказанные свидетелями.

Совершенно неожиданно Мулла Умаров обращается к народу, и тысячная толпа опускается на колени и начинает молиться. Я не знал, как мне реагировать на такой оборот свидетельских показаний. Член суда т. Рустемов мне объяснил, что они возносят Аллаху мольбу за праведный суд, укрепление советской власти и справедливое возмездие Муэтдину и его сообщникам.

Пришлось до конца молитвы прервать заседание суда.

Нашей охране неоднократно приходилось оттаскивать от обвиняемых бросавшихся на них в запальчивости свидетелей, намеревавшихся лично отомстить за замученных родственников.

А Муэтдин угрюмо молчал, изредка покусывая губы.

Два раза была ложная тревога о приближении басмачей. Выдержка суда и воинских частей быстро ликвидировали настроение присутствующих.

Речь т. Тюрякулова, требовавшего поголовного расстрела бандитов, сопровождалась сплошным гулом одобрения.

Но совершенно неожиданно разыгрался инцидент с защитником т. Гумеровым. Когда, перечислив смягчающие вину моменты, он закончил о замене расстрела лишением свободы, дикие крики понеслись по площади...

Оказалось, что это угрозы по адресу Гумерова, ибо толпа запылала в сочувствии басмачам. Пришлось ему народу объяснить, что речь защиты суд ни к чему не обязывает, но что советская власть такая справедливая власть, что даже таких закоренелых преступников, как Муэтдин, не оставляет без защиты.

26 сентября в 11 ч. 30 м. дня суд вынес приговор. Муэтдин и 7 человек его сподвижников были приговорены к расстрелу.

Положение становилось с часу на час все более тяжелым. Нурмат Минбаши с джигитами показался под самым Ошем. Полк должен был немедленно выступить для операций против Рахманкула и других басмачей. Создавалась определенная угроза попытки организовать побег... А между тем суд должен был ожидать утверждения приговора из Москвы. Как быть?

Выносим дополнительное постановление, что ВТ в полном сознании революционной целесообразности и необходимости, в изъятие ст. 450 УПК, постановил приговор привести в исполнение немедленно.

Далю предписание коменданту: отвести осужденных к подошве горы Солеймана и немедленно расстрелять, оценив сначала прилегающий район воинской цепью.

Сам с составом суда иду на место расстрела. Но, пока делались предварительные приготовления, прибежал перекупангый Леонов с

сообщением, что тысячная толпа прорвала воинские цепи. Кое-как удалось отгнать на небольшое расстояние напиравшую толпу. Выбиться из силошного окружения нет возможности. Во избежание паники и других последствий надо действовать немедленно. Даю знак начальнику конвоя...

Резкая команда: „По бандитам и врагам Революции, взвод,—пли!“.

Два залпа—и кончен жизненный путь Муэтдина.

Обезумевшая толпа бросилась к яме, буквально закидывая ее заранее заготовленными отбросами и нечистотами. Вся накопившаяся ненависть истрадавшего населения и злоба к угнетателям вылилась в этом порыве.

И долго в моих ушах стоял оглушительный рев толпы в ответ на последнюю просьбу осужденных принять от них разломленные куски хлеба, как символ прощения за все обиды и угнетения: „Сдохни!“

До позднего вечера раздавались в городе звуки восточных оркестров. Это население Ошского района праздновало избавление от своего жестокого феодала.

Через два дня я был в поселке Куршаб и в городе Узгене (80 верст от Оша). Все население сплошь стихийно и единодушно праздновало конец Муэтдина.

Рахманкул.

Через 2 месяца, 27 ноября—2 декабря на базаре туземной части города Коканда с Полевой Сессией Трибунала я слушал дело узбекского главнокомандующего Рахманкула и его штаба. Процесс однородный с муэтдиновским и преступления равноценны.

И с такой же ненавистью узбекское население требовало беспощадной расправы с насильниками, как население Оша требовало расправы с Муэтдином. 11 человек басмачей было расстреляно в самый день вынесения приговора. И хотя здесь не играли туземные оркестры, провожая в последний путь Рахманкула, но я до своего отъезда из Коканда оказался самым популярным человеком в городе.

Третий Эмир Лышкар Баши,—Ислам—Кул,—был расстрелян по приговору ВТ фронта уже после моего отъезда из Туркестана в 1923 году.

Теперь несколько слов об условиях работы трибуналов. Неся с командованием и частями Красной армии всю тяжесть борьбы с басмачеством, выделяя полевые сессии в районы боевых операций, ВТ Туркестана работали в исключительной обстановке. Подготовка каждого дела требовала массу энергии, умения и поставить процесс

и вовлечь в него широкие массы населения, а кроме того и обезопасить суд и публику от нападений во время слушания дела. Массовые заболевания малярия вышибали иногда из строя до 75% работников. Приходилось сидеть в суде с 40° температурой по несколько дней, так как заменить составы суда было некому. Очень многие работники, проработав в нечеловеческих условиях по несколько лет, окончательно выбывали из строя и становились инвалидами.

Особенно худо было в Восточной Бухаре, климатические условия которой были губительными. Отсутствие самых примитивных удобств жизни, полуголодное существование и отрыв даже от таджикской культуры на целый ряд месяцев с пребыванием в глухих кишлаках Гиссарской долины или Гарма уродовали здоровье и психику работников.

Погибло много хороших товарищей под горячим солнцем в пещерах Туркестана.

Погиб тов. Гарфункель—он не захотел сдаться живым басмачам и предпочел пулю из Кольта пыткам и истязаниям.

Трагически погиб товарищ из трибунала Бухарской группы, тов. Зозулин. Он был снесен бурными волнами Аму-Дарьи во время переправы с действующими частями Армии.

Умер тов. Штанге,—скромный, беспартийный следователь. Я ему сказал, что нельзя больному и изнуренному вести дело и предложил отпуск. А он ответил: „нет, я должен закончить дело“, и через несколько дней принес и сдал мне вполне оформленное и законченное дело, а вечером, в тот же день вечером, умер от гнойного воспаления уха и надкостницы.

А тов. Рогушин? Пять лет Туркестанской работы, и как результат—скоротечная чахотка.

И много других маленьких героев большого дела.

Отмечаю 10-летнюю годовщину работы ВТ, вспомним же добрым словом всех скромных работников ВТ, погибших на трибунальской работе за пролетарское дело!